

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.109

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГОРИЗОНТЫ ПОНЯТИЯ «РИСК» В РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

В. В. Прозоров

Саратовский государственный университет
E-mail: prozorov@sgu.ru

Анализ семантических пределов популярного понятия «риск» показывает, что риск в русской национально-культурной традиции – знак бессмысленной и безнадежной лихости и – одновременно – неукротимой энергии и силы. Ощущать риск – внешне беспечно предчувствовать приближающуюся опасность и предельно концентрировать волевые напряжения, связанные с одолением обрушивающейся беды.

Ключевые слова: риск как термин, риск в русской национально-культурной традиции, мотивы риска в литературе, риск как знак опасности и знак преодоления опасности.

Semantic Horizons of «Risk» Notion in the Russian National and Cultural Tradition

V. V. Prozorov

The analysis of the semantic limits of the popular notion of 'risk' demonstrates that in the Russian national and cultural tradition risk is the sign of meaningless and hopeless recklessness, and at the same time, the sign of unbridled energy and power. To feel risk means to outwardly carelessly anticipate imminent danger and to ultimately concentrate the efforts of will related to overcoming the sweeping disaster.

Key words: risk as a term, risk in the Russian national and cultural tradition, risk motifs in literature, risk as a sign of danger and a sign of overcoming danger.

«Риск» в последнее время стал понятием необычайно продуктивным и модным. От чрезмерного и беспощадного употребления возник даже реальный риск размывания смысловых пределов самого понятия.

Эмпирические наблюдения над повседневной русской речью показывают, что слово «риск» в последние полтора-два десятилетия не сходит с уст отечественных специалистов самого разного профиля. Получили распространение производные: «рисковать», «рискнуть», «рискованный», «рисковый», «рискогенный». Объявились сложные словообразования: «риск-знания», «риск-менеджер», «риск-стандарт», «риск-терминология» и др. Широкое хождение имеет ранее отсутствовавшая форма множественного числа – «риски».

«Риск» как ключевой термин усердно эксплуатируется, прежде всего, *экономической наукой и практикой* («управление рисками в финансах и бизнесе», «анализ рисков», «концепция риска», «моделирование рисков», «риск проекты», «риск биржи», «кредитный риск», «инвестиционный риск», «риск-ориентированный подход в обеспечении экономической безопасности»);

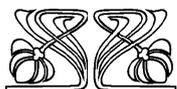
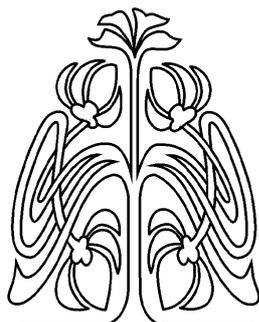
– *социологией, политологией, философией, коммуникативистикой* («общество риска», «риски социальных систем», «минимизация рисков на рискогенных территориях», «оценки риска», «ситуации временного и постоянного рисков», «рискогенная информационная тематика»);

– *медициной* («риск сердечно-сосудистых заболеваний», «риски медицинского вмешательства», «риск от лекарственных препаратов», «снижение риска смертности»);

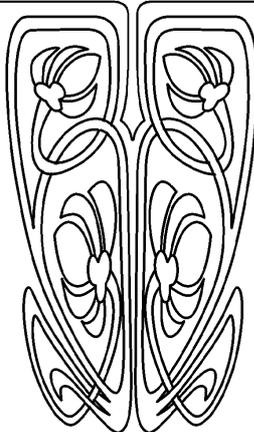
– *экологией* («техногенные риски», «экологические риски»);

– *техническим производством* («риск аварии», «пожарный риск»)

и т. д.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Говорят о рисках геополитических, политических, демографических, образовательных, оборонных, педагогических, психологических, хозяйственных, социально-культурных, покупательских, гастрономических, бытовых и т. д. Теория рисков – составная часть науки о кризисах (кризисологии). Выходят специализированные журналы: «Риск-менеджмент», «Риск-Онлайн», «РИСК: Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция», «Риск-Онсайт» (об альпинизме и горных видах спорта, об экстриме как явлении жизни) и др.

Цель настоящей статьи – предложить объёмную филологическую экспертизу данного, необычайно востребованного понятия. Мы будем стремиться, исходя из русских национально-культурных традиций, разобраться в семантических пределах этого активно тиражируемого, заметно обретающего повышенную частотность и даже известную универсальность феномена.

Почти все многочисленные термины со словом «риск» приходят сегодня к нам прежде всего из западного (главным образом англоязычного) финансово-экономического словаря. Наблюдения над современной экономической литературой показывают, что риск понимается здесь:

- как возможность опасных потерь;
- как трудно предсказуемое по своим последствиям событие;
- как вероятность отклонения от намеченной, прогнозируемой цели;
- как мера конфликтности в предпринимательской деятельности;
- как деловое решение, принимаемое по поводу возникающего противоречия;
- как балансирование на грани между множеством противоречий, ни одно из которых нельзя корректно игнорировать.

Иными словами, риск – это, прежде всего, любая, мало-мальски значимая по своим вероятным последствиям реакция на подстерегающие нас в разной связи и по разным поводам опасности и неустойчивости.

Риски возникают на границах. Граница – область повышенного риска. Граница – знак властного самоограничения и одновременно знак его свободного преодоления. Граница даёт ощущение уверенности и тревоги, твёрдости и неустойчивости, прочности и зыбкости, завершённости и открытости.

Мы говорим о рисках, вступая в сферу нечёткой логики, имея дело с понятиями о нечётких событиях (нечёткое – размытое, туманное, расплывчатое множество)¹. Риски возникают при распаде системы и при очень быстром росте системы, когда она начинает терять былую устойчивость и стабильность.

Понятие «риск» давно уже включалось в пространство размышлений о важнейших сторонах человеческого бытия. Риск неперенной составной частью входит в универсальное представ-

ление о **судьбе**. Судьба же в распространённом смысле – плод заманчивой фантазии, которую мы охотно поддерживаем, чтобы оправдать свои собственные ошибки и слабости, непостижимая предопределённость событий и поступков, не доступное разумению стечение обстоятельств, на которые нам якобы не дано влиять. Пережить риск – это как раз получить ощущение от преодоления очередной полосы препятствий, ощущение, которое позволяют нам увереннее держаться на плаву жизни.

В современной письменной массмедийной речи с понятием «риск» все чаще случаются вольные метафорические превращения: «держим риск под прицелом», «риск-менеджеры – рисковые ребята», «укрошение риска» и т. п. В давней уже «Песне о риске» Роберта Рождественского есть характерные для советского поколения «шестидесятников» слова, исполненные бодрого и одновременно тревожного романтического (псевдоромантического) пафоса, звучащие как страстное побуждение, как отчаянное заклинание: «Темнота и свет, миллионы брызг, // В каждом “да” и “нет” – постоянный риск. // Риск похож на бой, если путь горист. // Быть самим собой – это тоже риск. // Ну а ты решишь! Ну а ты рискни! // В непростую жизнь широко шагни». Спрос на это понятие всё активнее обнаруживает себя и в современной молодёжной культуре. Интернет пестрит стихотворениями о риске и рисках. Слагаются и исполняются рэп-тексты о риске: «Это песня про риск // Рискуй! // Взлетай или провались с треском!»

В массовом сознании широко распространено убеждение, что ни в одном из видов человеческой деятельности не может быть нулевого риска. Часто в этой связи вспоминается расхожая шутка: «Жить опасно – от этого умирают». В обыденном речевом обиходе то и дело появляются словосочетания: «не хотите рискнуть?», «напрасный риск», «доля риска», «лучше не рисковать», «рискуешь головой», «рисковать собой», «без риска для жизни», «кто не рискует?!», вплоть до претенциозного «Кто не рискует, тот не пьёт шампанское».

О риске (рисках) сегодня в нашем отечестве охотно рассуждают и пишут:

- как об обязательной характеристике любой более или менее значимой и трудно предсказуемой (личной, семейной, служебной, научной, социально-политической и т. д.) ситуации выбора;
- как о неперенном условии современного, исполненного больших тревожных ожиданий неустойчивого человеческого существования (быта и бытия) на всех континентах земли;
- как чуть ли не о самом главном и фатальном сопутствии человечеству на пути в неизведанное и драматически усложняющееся будущее, чреватое невиданными прежде природными аномалиями, катастрофами и всеобщим апокалипсическим напряжением.

Риск – широко распространённое понятие, щедро адресуемое неустойчивому *настоящему* и

(в ещё большей степени) исполненному опасных ожиданий, непредсказуемому *будущему* времени.

Пришла пора тщательного осознания роли и места, бытования и назначения этой важной ценностно-смысловой универсалии наших дней в *прошедшем* времени. К предшествовавшим эпохам, к прежним речевым практикам невольно восходит, от них словно бы нечаянно отталкивается или с ними вступает в незримый спор нынешняя эпоха.

Чтобы всесторонне осознать накопленные смысловые ресурсы понятия «риск», необходимо представить:

– как вело себя это понятие, какими основными и дополнительными смыслами наполнялось в плотных слоях многожанровой русской народной и литературной культуры;

– в каких художественно-образных контекстах, темах, сюжетах и мотивах жило и заявляло о себе в эпоху литературоцентризма;

– каким образом сложившийся в веках отечественный семантический объём этого понятия исподволь влияет и на наше нынешнее повсеместное и энергичное словоупотребление.

Авторитетные толковые словари русского языка привычно определяют понятие «риск» (франц. *risqué*; англ. *risk*; нем. *Risiko*) как:

– во-первых, *возможную опасность, действие наудачу в надежде на счастливую случайность* (с риском для себя; подвергаться риску; без риска);

– во-вторых, *возможный убыток в коммерческом деле, обусловленный изменчивостью рыночной конъюнктуры* (например, делить риск пополам);

– в-третьих, *опасность, от которой производится страхование имущества*. Последнее значение приводится в словарях с пометой «специальное».

Психологи в специальных же словарях трактуют риск как действие, направленное на заманчивую цель, достижение которой сопряжено с известными или неизвестными опасностями.

Антонимы понятия «риск» – «осторожность», «осмотрительность», «компромиссность» («рисковать» и «осторожничать», «идти напролом» и «обходить стороной», «не рискуй: семь раз отмерь»).

Часто представление о чрезмерной осторожности вызывает, однако, отчётливые ассоциации с робостью, трусостью, социальной ограниченностью и пассивностью. Такие «чудеснейшие» качества, как «умеренность и аккуратность» («Горе от ума» А. С. Грибоедова), то и дело становились в русской словесности неоспоримым объектом осмеяния и презрения. Вспомним, с каким грустным сарказмом характеризовал М. Е. Салтыков-Щедрин в сказке «Премудрый пискарь» (1883) своего главного героя: «Жил – дрожал, и умирал – дрожал... И что всего обиднее: не слышать даже, чтоб кто-нибудь премудрым его называл. Просто говорят: “Слыхали вы про остолопа, который не

ест, не пьёт, никого не видит, ни с кем хлеба-соли не водит, а всё только распостылаю свою жизнь бережёт?” А многие даже дураком и срамцом его называют и удивляются, как таких идолов вода терпит».

Знаменитый чеховский учитель греческого языка Беликов (с его крылатым речением «как бы чего не вышло») «замечателен тем, что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате <...> Он носил темные очки, фуфайку, уши закладывал ватой, и когда садился на извозчика, то приказывал поднимать верх. Одним словом, у этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление окружить себя оболочкой, создать себе, так сказать, футляр, который уединил бы его, защитил бы от внешних влияний. Действительность раздражала его, пугала, держала в постоянной тревоге...» (А. П. Чехов. Человек в футляре. 1898).

Апофеоза тихого, незаметного существования без риска (в противовес отчаянному и смелому безрассудству) заключена в другом крылатом выражении конца XIX в.: «Рождённый ползать летать не может» (М. Горький. Песня о Соколе. 1895).

Риск выступает и как синоним последовательной порядочности и предельной честности, не знающей компромиссов во имя отчётливо явленного инстинкта самосохранения. Вот как, в частности, аттестуется известный советский писатель и общественный деятель К. М. Симонов в книге В. В. Познера «Прощание с иллюзиями»: «Симонов был... человеком смелым и принципиальным, однако вместе с тем он, говоря футбольным языком, никогда не рисковал попасть в офсайд. Он часто отстаивал правду, но никогда при этом не шёл на риск. Смелость его никогда не становилась безрассудной, никогда не представляла угрозы ему или его делу – что красноречиво подтверждается его карьерой. Когда же попахивало жареным – а это бывало не раз и не два, он отступал, тем самым невольно присоединяясь к тем самым силам, против которых боролся. Можно сказать, что в его характере... имелся изъян»².

В предложенном контексте «риск» как высшая нравственная поведенческая категория противостоит явному отказу, нежеланию (при чрезмерно жёстких обстоятельствах жизни) жертвовать собственным благополучием, карьерой, процветанием.

В связи с подобной интерпретацией понятия «риск» вспоминается и обросший множеством легенд и толкований эпизод, связанный с телефонным разговором И. В. Сталина с Б. Л. Пастернаком в 1934 г. Из всех существующих версий явствует, что это был разговор (своего рода развлечение-пытка) властелина и заранее обречённой (не на физическую смерть, так на диковинное нравственное унижение и терзание) жертвы. Да, очевидно, что Пастернак не решился в этом

«диалоге неравных» защитить от сталинского произвола поэта О. Э. Мандельштама. И не нам выставлять оценки и судить о мотивах такой линии поведения («не рискнул», «струсил», «потерялся», «уклонился», «не нашёлся, что сказать» и т. п.)³. Риск здесь сродни самоубийству. Человек в этой ситуации рисковал и своей жизнью, и жизнью всех своих родных и близких.

В книге о знаменитом режиссёре Саратовского театра юного зрителя, народном артисте СССР Юрии Петровиче Киселёве я писал, вспоминая его неуступчивость во многих принципиальных вопросах жизнотворчества, о его же склонности в советскую эпоху к разного рода уступкам во имя сохранения своего театра: «Искусство компромисса... Вся наша жизнь – всегда и повсюду – с ним неразлучна. Но когда ты не столько даже сам себе, когда за тобою – тобою же возвращенный коллектив (театра, школы, факультета, кафедры...), приёмы искусства этого поневоле усложняются и достигают порой высот изящнейшего, просто-душно-лукавого, почти швейковского артистизма. Во имя долга перед теми, кто в тебя верит, кто на тебя надеется, кто не хочет с тобой разлучаться»⁴. Само искусство компромисса в его конкретных проявлениях может стать и становится рискованным. Взаимоисключаемые понятия «риск» и «компромисс» в исполненных драматизма обстоятельствах неожиданно сближаются и обретают силу синонимического притяжения.

Таким образом, есть устойчивое представление о благородном риске как о безоглядном донкихотском самопожертвовании, как о безрассудной самоубийственной дерзкой храбрости и есть не менее распространённые представления о риске трагически опасном, бессмысленном и даже социально вредном. О риске, ценой которого могут стать и становятся судьбы не только тех, кто уклоняется от «безумства храбрых», но и защищаемые им, стоящие за ним, уверенные в его оборонительных готовностях и возможностях.

Попутно заметим одно весьма красноречивое обстоятельство: понятие «риск» обычно не включается в русские словари иностранных слов, оно произвольно стало «своим» – близким и понятным.

В связи с нашей темой непременно вспоминаются известная, имеющая очень широкое хождение поговорка «риск – благородное дело» и фразеологизм «на свой страх и риск». Риск в этом смысле связан с понятием пассионарности, введенным в обиход Л. Н. Гумилёвым.

В. И. Даль зафиксировал широкое и ёмкое значение этого слова и производных от него.

Риск, рискованье – это, в первую очередь, отвага, смелость, решимость, предприимчивость, но это и действие на авось, наудачу. К «риску – благородное дело» даётся помета «поговорка картёжников».

Рискователь и рисковательница у Даля – отважные люди. *Рисковать* – с одной стороны,

пускаться наудачу, на неверное дело, наудалую, делать что-либо без верного расчёта и т. п., но, с другой стороны – действовать смело, предприимчиво, надеясь на счастье⁵.

В. И. Даль приводит большое число русских пословиц и поговорок, в которых прямо или косвенно речь идет о близких к риску жизненных отношениях и состояниях. Эти пословицы и поговорки преимущественно связаны с темой безудержной смелости, отчаянной отваги и рискованной удали:

Бой отвагу любит.

Без отваги нет и браги.

Смелый приступ не хуже победы.

Волка бояться, так и в лес не ходить.

Была не была; что будет, то будет; а будет то, что Бог даст.

Будет так будет; а не будет, так что-нибудь да будет⁶.

Проступает в этих пословицах и мотив горестного, но, вопреки очевидной беде, поруганию и гибели, внутренне победительного отчаяния и отваги:

Двух смертей не видать, а одной не миновать.

Семь бед – один ответ.

Либо пан, либо пропал.

Либо сена клочок, либо вилы в бок.

Либо полковник, либо покойник.

Тонуть, так в море, а не в поганой луже.

И лишь в одном пословичном тексте проявляется иной, прямо противоположный (коннотативно снижающий сам феномен риска) акцент:

Рискнул, да и закаялся (зарёкся)⁷.

Очевидно, что приведённые и близкие к ним пословично-поговорочные структуры («не рискуя, не добудешь», «кто ничем не рискует, тот ничего не получает», «кто в бою не рискует, по тому и орден не тоскует», «нет дела без риска» и т. п.) концентрированно отражают важные свойства русского национального характера. Речь о внутренней психологической установке на авось, о самоотверженной готовности биться об заклад, не жалея живота своего, о склонности действовать, опираясь на интуицию, вопреки услужливым и досаждающим подсказкам рассудка, расчёта, здравого смысла.

Эти же и подобные им устойчивые речевые конструкции претворяются в сюжеты и мотивы известных словесно-художественных текстов русской словесности, определяют их нравственно-поэтический пафос, характер их героев. Вспомним Германна из «Пиковой дамы» и Пугачева из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина, Печорина и Вулича из «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова, запорожских казаков из «Тараса Бульбы» Н. В. Гоголя и др.

Ф. М. Достоевский в романе «Игрок» (1866) представляет в едва ли не исчерпывающем, концентрированном виде русскую философию рисков.

Сочувственно выписанный главный герой – рассказчик Алексей Иванович, «заграничный

русский», соединяет в себе азарт и риск, ищет бурных запредельных эмоций, играет в рулетку на грани фола, «привык всё ставить на карту»⁸. Сам автор объяснит его в письме от 18 (30) сентября 1863 г. Н. Н. Страху: «...потребность риска и облагораживает его в глазах самого себя» (399).

Алексею Ивановичу свойственна привычка действовать «открыто и нараспашку» (216). Наблюдая игру многих иностранцев, он думает про себя: «...мне показалось, что собственно расчёт довольно мало значит и вовсе не имеет той важности, которую ему придают многие игроки. Они сидят с разграфлёнными бумажками, замечают удары, считают, выводят шансы, рассчитывают, наконец ставят и – проигрывают точно так же, как и мы, простые смертные, играющие без расчёту» (223). Характерно отчётливое уравнивание в правах предусмотрительности и азарта, хитроумной логики и простодушной интуиции, чёткого расчёта и вольного риска.

Когда герою Достоевского начинает везти в игре, умиротворяющее благоразумие явно оставляет его, упрямо берёт верх страсть к предельно острым переживаниям: «Тут бы мне и отойти, но во мне родилось какое-то странное ощущение, какой-то вызов судьбе, какое-то желание дать ей щелчок, выставить ей язык. Я поставил самую большую полноценную ставку, в четыре тысячи гульденов, и проиграл» (224). Удел Алексея Ивановича – вступать в спор с тупой и зловредной фортуной.

В финале герою снова светит удача, и он признаётся: «Я убежден, что тут наполовину было самолюбия; мне хотелось удивить зрителей безумным риском, и – о странное ощущение – я помню отчётливо, что мною вдруг действительно без всякого вызова самолюбия овладела ужасная жажда риску. Может быть, перейдя через столько ощущений, душа не насыщается, а только раздражается ими и требует ощущений ещё, и всё сильней и сильней, до окончательного утомления» (294). Ненасытное, невероятно упорное и горделивое желание идти наперекор рассудку!

В споре с французом о том, умеют или не умеют русские по-настоящему успешно играть в рулетку, Алексей Иванович запальчиво замечает: «А по моему мнению, рулетка только и создана для русских» (317).

Позже герой Достоевского вновь вернётся к своей мысли и подтвердит: «Рулетка – это игра по преимуществу русская». И уточняя свою мысль, рассказчик добавляет: «А русский не только не способен приобрести капиталы, но даже и расточает их как-то зря и безобразно» (317).

И дальше, в желании дойти до самой сути, герой предлагает такое противоречивое объяснительное рассуждение: «...нам, русским, деньги тоже нужны, <...> а следовательно, мы очень рады и очень падки на такие способы, как например рулетки, где можно разбогатеть вдруг, в два часа, не трудясь. Это нас очень прельщает; а так как

мы и играем зря, без труда, то и проигрываемся!» (225). Неудача – почти что ожидаемое, но всё-таки роковое последствие рискованного и одновременно в высшей степени приятного (дармового) образа действий.

Капитал для нас, а не мы для капитала созданы, – убежден русский «игрок»: «...я уж лучше хочу дебоширить по-русски или разжиться на рулетке»; «Мне деньги нужны для меня самого, а я не считаю всего себя чем-то необходимым и придаточным к капиталу». И знаменательный, как это часто бывает у Достоевского, сам себе противословящий финал этого горделивого мыслительного ряда: «Я знаю, что я ужасно наврал, но пусть оно так и будет. Таковы мои убеждения» (226).

Немного позже появляется пронзительно откровенное признание, которое является апофеозом русского риска: «Странное дело, я ещё не выиграл, но поступаю, чувствую и мыслю, как богач, и не могу представлять себя иначе» (239). Тут всё перевернуто с точки зрения достойного здравого смысла и всё по-своему странно упорядочено.

Подобным же образом размышляет и действует семидесятипятилетняя бабушка, помещица и московская барыня Антонида Васильевна Тарасевичева, внезапно объявившаяся в сюжете романа и обуреваемая бешеным игровым азартом: «Волка бояться – в лес не ходить. Что? Проиграл? Ставь ещё!» (263). Шанс, куш, нетерпение, несдержанность, ярость, решимость, досада, отчаяние – слова-понятия, сопутствующие игровым рискам в романе Достоевского.

Сплошная цепь рисков в мире автора «Игрока»: риск в поведении, риск в намерениях, риск в самооценках, рискованные повороты в откровенных рассуждениях.

Важно, наверное, понять, что риск в русской национально-культурной рефлексии – прежде всего, сложная, не поддающаяся чёткой рациональной расчленённости совокупность «противочувствий» (Л. С. Выготский), знак бессмысленной и безнадежной лихости и неукротимой, целеустремлённой энергии и силы.

Риск для русских – и бесшабашное «авось», и победительное «ураааа!». Это и проклятая бездна, пожирающая самые неистовые человеческие устремления и порывы, и достойное самоуважения, горделивое, духоподъёмное состояние, и сама себе вожделенная цель, достигаемая отважным, захватывающим самоотречением.

Ощущать риск – оторопело и внешне беспечно предчувствовать приближающуюся и настаивающую нас опасность-беду (а вдруг всё само собой развеется и сгинет?! а вдруг всё-таки не случится!? вдруг получится!) и предельно концентрировать, аккумулировать волевые напряжения («Есть ли ещё порох в пороховницах?», «Не Москва ль за нами!»), связанные с непременным одолением уже подступившей и в полную силу обрушившейся на нас опасности.

И есть несомненный резон в нынешнем обильном употреблении этого понятия исподволь иметь в виду и различать-угадывать его (издавна близкие нам) семантические корни.

Причём впрямую, явно и отчётливо эта связь прежних смыслов с современными разнонаправленными профессионально-терминологическими представлениями о рисках чаще всего не прослеживается, но может, главным образом, присутствовать скрыто и неосознанно. Вовсе не исключено, что связь эта в состоянии рефлекторно, подсознательно проступать в самом процессе жизненно важных отношений, забот, действий, экспериментов, требующих сосредоточения и проявления огромной физической и интеллектуальной энергии.

Отблески и отголоски традиционного понимания рисков могут обнаруживаться и чаще всего непредусмотренно проявляются:

– в психологически трудных ситуациях ответственного выбора («что чему предпочесть? И так плохо, и эдак нехорошо!», «кто знает, где правда зарыта?!»);

– в многочисленных действиях наудачу («сложно сказать! ну да ладно! что будет, то будет! была не была!», «не впервой! где наша не пропадала! как-нибудь прорвёмся!»);

– в отношениях специалистов разного профиля к неожиданным обнаружениям аномалий в постижении своего предмета, объекта, материала, к непредусмотренным ситуациям и положениям, к неустойчивым системам, чреватым рисками.

Тем более важно помнить об укорененном в повседневной отечественной филологической культуре и практике смысловом диапазоне понятия «риск» и производных от него. Речь идёт о возможности и даже необходимости поправок (порой весьма существенных) на вероятные субъективные факторы, возникающие (в работе,

в политике, в быту, в личной жизни и т. д.) по ходу осмысления внезапных, незапланированных отклонений от ожидаемого и прогнозируемого. Наша непосредственная реакция на риски может быть понята в сложном ореоле эмоционально-экспрессивных значений, предопределённых давними и по-прежнему актуальными национально-культурными традициями.

Примечания

- 1 Теория нечетких множеств, создавшая новые возможности для математического моделирования человеческого мышления, сложных гуманитарных систем, была разработана в середине 1960-х гг. выдающимся американским математиком азербайджанского происхождения Лютфи Рахим Али Аскер оглы Заде (Лютфи Заде).
- 2 Познер В. Прощание с иллюзиями. М., 2012. С. 163.
- 3 См.: Бобров С. Из магнитофонной записи его беседы с В. Д. Дувакиным // Осип и Надежда Мандельштамы. М., 2002. С. 201–202.
- 4 Прозоров В. «Обычай мудрости храня...» О ТЮЗе Киселёва. М., 2000. С. 23–24.
- 5 Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1980. Т. 1. С. 96.
- 6 Ср. рассуждения помещика Бориса Борисовича Симеонова-Пищика в действии первом комедии А. П. Чехова «Вишнёвый сад» (1903): «Не теряю никогда надежды. Вот, думаю, уж всё пропало, погиб, ан глядь, – железная дорога по моей земле прошла, и ... мне заплатили. А там, глядь, ещё чего-нибудь случится не сегодня-завтра...»
- 7 См.: Даль В. И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа : в 2 т. СПб., 1997. Т. 1. С. 221–224.
- 8 Достоевский Ф. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 5. С. 302. Далее все ссылки даются на это издание с указанием страниц тексте.

УДК [070:351.751.5](470+571)]18

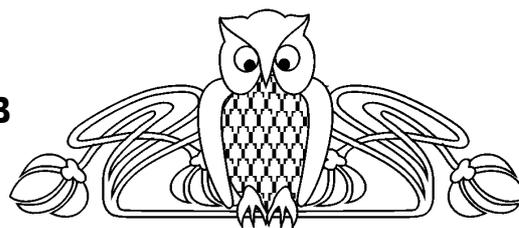
ФАКТОРЫ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И РИСКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКИХ ЖУРНАЛИСТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

А. А. Демченко

Саратовский государственный университет
E-mail: adema4@yandex.ru

Рассматриваются обстоятельства работы журналистов, создающие ситуации неопределенности и риска в их профессиональной деятельности: вмешательство цензуры, взаимоотношения с цензорами и другими представителями власти. Уделено внимание попыткам журналистов воздействовать на ход подготовки цензурного устава 1862 г.

Ключевые слова: журналистика, статья, цензор, надзор, власть, риск, иносказания, реформа, общественное мнение, архив.

Factors of Ambiguity and Risk in the Professional Activity of Russian Journalists in the Second Part of XIX Century

A. A. Demchenko

The article considers the conditions of the journalists' work which form the situations of ambiguity and risk in their professional activity: the interference of censorship, relationships with censors and other authority representatives. The attention is given to the journalists' attempts to influence the process of preparation of Censorial Regulations of 1862.

Key words: periodicals, article, censor, supervision, power, risk, allegory, reform, public opinion, archives.